

Александр
Этоев

УЛЯ ЛЯПИНА

супердевочка
с нашего
двора

Александр Етоев
Планета лысого брюнета
Серия «Уля Ляпина, супердевочка
с нашего двора», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172075

Уля Ляпина, супердевочка с нашего двора. Планета лысого брюнета:

Амфора; Москва; 2004

ISBN 5-94278-699-2

Аннотация

«Планета лысого брюнета» – первая повесть из цикла книг про удивительную девочку Улю Ляпину. Ульяну недаром называют супердевочкой: она смелая, решительная и находчивая. Вместе с героиней читатели встретятся с лысым незнакомцем, узнают, что такое порошок злости, и откроют тайну загадочной планеты. Эта книга, написанная петербургским прозаиком Александром Етоевым с юмором и добротой, обязательно понравится и детям, и их родителям.

Содержание

Глава 1. Супердевочка	5
Глава 2. Появление лысого незнакомца	11
Глава 3. Мальчик на проволочной ноге	16
Глава 5. Лысый брюнет и его команда	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Етоев
Планета лысого брюнета

Памяти Юрия Коваля

Глава 1. Супердевочка

Уля выросла удивительно быстро – за десять минут и четырнадцать с половиной секунд, папа засекал время. То есть сразу из годовалой девочки превратилась в красавицу семи лет с длинной челкой и вздернутым дерзким носом в рыжих веснушках. Мама охала и не знала, что делать: то ли вызывать «скорую», то ли плюхаться на пол в обморок. Папа же, к чудесам привычный, с интересом наблюдал за процессом этого чудесного превращения. Вот последние полсекунды кончились, и Уля остановилась в росте. Она себя оглядела в зеркале, затем сказала своим родителям:

– Мама, папа, в детский сад мне идти уже поздно, а для школы я и так уже слишком образованная и умная. Может быть, мне сразу пойти работать на подиум? Или телеведущей на НТВ?

– Уля, – сказала мама, услышав эти странные предложения и мгновенно забыв про «скорую» и про так и не состоявшийся обморок. – Да, действительно, в детский сад тебе идти уже поздно, там ты всех малышей научишь ничего другого не делать, кроме как смотреть на себя в зеркало и выдумывать всякие глупости. А вот в школу тебе пойти придется, несмотря на твой фактический возраст.

Что такое «фактический возраст», этого Ульяна не поняла, зато по маминому строгому тону догадалась, что спорить

с ней бесполезно и от школы увильнуть не получится.

Учиться она пошла не с осени, как это принято у нормальных детей, а сразу после новогодних каникул. И уже к началу весенних прославилась в школе тем, что в соревнованиях на длину плевка переплюнула чемпиона школы третьеклассника Илью Моргунова. Ее плевков на целых пять сантиметров лег дальше плевка Ильи, поставив тем самым крест на его славе и чемпионстве.

Вторым подвигом Ули Ляпиной стало поедание на скорость докторской колбасы. Колбасу позаимствовали из холодильника все того же Ильи. Папа у Ильи работал в колбасном цехе, и колбаса у них в доме была таким же обыкновенным делом, как в доме у молочницы молоко, а у водолаза водолазный костюм. В общем, когда Илья с трудом дожевывал двадцать первый кусок от бесконечной колбасной палки, Уля Ляпина уже подъедала остатки с тонких колбасных шкурок и с интересом поглядывала на колбасу соперника.

После этого случая папа Ильи строго-настрого запретил сыну водиться с Улей. Не потому, что она их объела. Просто папа Ильи подумал, что Уля Ляпина раззвонит теперь по всему двору, что у них в доме колбасы в холодильнике хоть заешься, и сразу все начнут друг у друга спрашивать, а где он, интересно, столько ее берет. Временно папа Ильи стал даже носить с работы сосиски и фрикадельки, которые обменивал у одной знакомой с сосисочно-фрикаделечного участка на колбасу.

Ну и наконец – сила. Однажды у себя во дворе Уля Ляпина приподняла за заднее колесо мотоцикл крутого байкера Фредди Крюгера, когда он отъезжал от своей парадной. На самом деле фамилия у Крюгера была Крюков, и звали Крюкова не Фредди, а Федор, но на мотоцикле он гонял лихо, наводя страх и ужас на мирных окрестных жителей, включая стариков и старушек.

Словом, к началу второй своей школьной осени, Уля уже много чего умела и не только по части спорта. Она, например, знала, что Пушкина убил диатез, а в Африке на озере Чад водятся большие фиолетовые пиявки, которые высасывают из людей кровь, как мощные электрические насосы. Еще она прочитала в книжке, что на Луне можно не ходить, а прыгать, и если прыгнул ты, например, с площадки перед детским рестораном «Макдональдс», который только что открыли рядом с их станцией метро, то приземлишься чуть ли не за городом, на чьем-нибудь дачном участке за высоким забором с видеокамерами на бетонных столбах, следящими, чтобы завистливые соседи не лазили в чужой огород. Поэтому, когда приземляешься, нужно сперва внимательно осмотреться, чтобы тебя не приняли за любителя ворованных огурцов.

Но это – на Луне. Во дворе же, сколько она ни прыгала, прыгнуть дальше своей собственной тени у Ульяны не получалось. Зато у Ули хорошо получалось дразнить вредного попугая Коломбо и всячески выводить из себя активного

пенсионера Бубонина, которому Коломбо принадлежал.

Дело в том, что двор, где она жила, по почину активистов из жилконторы, уже не первый и не второй год боролся за какое-то звание. Какое звание – Уля не помнила, знала только, что эта борьба оборачивается для них, ребят, всякими заботами и запретами. Особенно в этом деле усердствовал активный пенсионер Бубонин. Если бы его воля, говорил он на собраниях жильцов, он бы всех этих мальчиков, вытапывающих на газонах траву, и всех этих беспокойных девочек, пачкающих мелом асфальт, посадил бы в большой мешок и отправил в Африку к крокодилам за счет их же нерадивых родителей.

Бубонин принял под особый контроль приличный кусок газона, как раз под своим балконом, обнес участок провололочной оградой, а посередине установил шест с собачьей конурой наверху. Только в конуре жила не собака, в ней жил попугай Коломбо, птица нрава неприятного и сварливого. Целый день бубонинский попугай просиживал на железном шестке, торчащем, словно немецкий штык, перед входом в его жилище. Попугай делал вид, что спит, – затягивал морщинистым веком свой якобы спящий глаз, другой его глаз, левый, тоже как будто спящий, спрятан был всегда под крыло – как это у него получалось, знал один лишь Коломбо. Но стоило кому-нибудь из детей приблизиться хоть на метр к ограде, птица настежь распахивала сторожевое веко, зверски хлопала крыльями и дико орала: «Воры! Караул! Грабят!»

Ее хозяин выбегал на балкон, вставлял в зубы милицейский свисток и свистел в него до тех пор, пока у самого же не уставали уши.

Уля свиста нисколько не боялась. Она вставала возле самой ограды и делала Бубонину так: будто бы зажимала в руке невидимую дирижерскую палочку и плавно ею водила, помогая солилирующему маэстро. Бубонин терпел недолго, от силы минуты две. Затем, не выдержав таких издевательств, выплевывал изо рта свисток и исчезал на секунду в своей квартире. Возвращался он не с пустыми руками, а вооруженный кишкою шланга, плещущего водопроводной водой. Первой жертвой водяной артиллерии обычно становился Коломбо. Его смывало с наблюдательного поста, и попугай, как перезрелая груша, шумно падал, не по-птичьи ругаясь, на заповедную траву под балконом.

Улю Ляпину интересовало всё. Почему у их соседа Бананова на носу растет зеленая бородавка. Почему, если долго смотреть на небо через щелочку между пальцами, начинаешь видеть, что, кроме птиц, в небе столько есть всего интересного – и какие-то человечки с крылышками, и легонькие разноцветные дирижабли с непонятными надписями на брюхе, и драконы, изогнутые, как коромысло, и веселые летучие корабли. А если просто смотришь, не пряча глаз, то этого ничего не видно. Почему, когда папа сердится, у него такое смешное лицо, и наоборот, когда он смеется, лицо почему-то грустное.

Вот такой она была человек, супердевочка Уля Ляпина.

Глава 2. Появление лысого незнакомца

Странный свистящий звук ударил Уле в левое ухо. Слева кто-то дышал – с хриплым свистом и мелким бульканием. Так у них на дворе не дышал никто, поэтому Уля Ляпина с интересом посмотрела в ту сторону.

Перед ней стоял человек в помятом плаще до пят и выглядывающих из-под плаща ботинках с облезлыми, нечищеными носами. В его маленьких серых глазках бегали стремительные зрачки. Серебряная серьга в правом ухе в форме черепа с перекрещенными костями украшала его лысую голову.

Человек перестал дышать и спросил ее без всякого «зд-расьте»:

– Слышишь, девочка, здесь у вас поселок за городом есть, не то Гавкалово, не то Кавголово, не помню. Как туда доехать, не скажешь?

Мама Улю всегда учила: на улице ни с кем не здороваться, в разговоры с незнакомыми людьми не вступать, а если кто-нибудь чем-нибудь угощает, особенно пирожками или жвачкой, не брать, даже если дает знакомый – вдруг это никакой не знакомый, а переодетый маньяк.

– Мама, ну хорошо, – однажды ей ответила Уля, – а если

это Пашка Моржов жвачку мне предлагает?

– Проверь, Моржов это или не Моржов, метрику у него спроси.

– Мама, а что такое «метрика»?

С мамой говорить всегда трудно, особенно если она не права. А не права она всякий раз, когда лезет со своими дурацкими наставлениями. Поэтому Уля вслух всегда говорила «да», про себя же решала «нет» и поступала всегда по-своему. Она же не какая-нибудь маменькина дочка, вроде Верки Грушиной из их класса. Уля Ляпина – супердевочка, об этом весь двор знает.

Вот и сейчас вместо того, чтобы строгим голосом сказать незнакомому человеку: «Дяденька, вы опасный маньяк. Если будете ко мне приставать, я позову папу, он у меня чемпион жилконторы в стрельбе по движущимся мишеням», – Уля покачала головой и ответила незнакомцу честно:

– Не знаю.

– Ага, – сказал человек с серьгой, – на первый вопрос ты мне не ответила, задаю второй. Не ответишь, я тебя сразу съем, ответишь – тогда не сразу. Справедливо? – Незнакомец, как волк из сказки, открыл свою зубастую пасть и громко щелкнул всеми тридцатью зубами одновременно. Протяжный металлический звук на лету подхватило эхо и унесло его за моря – в далекие заморские страны.

Уля хмыкнула, подняла голову и посмотрела человеку в глаза. Но в них, кроме серых шариков стремительно переме-

щающихся зрачков, не обнаружила ничего вразумительного – ни улыбки, ни смешочка, ни огонька.

– Задавайте, – сказала она отважно.

– Маленький, щекотливый. Что это? – задал свой вопрос незнакомец.

– Мизинец, – сказала Уля.

– Ответ правильный, поэтому не засчитывается. Ты его заранее знала. – Человек позвенел серьгой и ладонью провел по лысине, поправляя несуществующую прическу.

– То есть как это не засчитывается? – гневно сказала Уля. – Так нечестно. Нету такого правила.

– А вот и есть, вот и есть. – Незнакомец завертел головой. – Я сам придумываю себе правила. То, что для меня выгодно, то и честно. Может, скажешь, у тебя по-другому?

– Да, по-другому! – топнула ногой Уля. – Вон вы какой большой лоб вымахали, а ведете себя, как Тарзан какой-то. Будто в лесу живете.

– Девочка, – обиделся человек с серьгой, – разве тебя не учили в школе, что обзывать нехорошо?

– А разве вас не учили в школе, что обманывать еще хуже?

– Я тебя обманул? – удивленно посмотрел на нее незнакомец. – Наверное, ты меня с кем-то путаешь. Что-то я такого не помню.

– Обманули. Вы сказали, что если я вашу загадку не отгадаю, то вы меня за это съедите. Но вы же меня не можете съесть? Вы же не людоед?

– Ты считаешь, что не могу? Я не людоед, говоришь? – Незнакомец разинул рот, и оттуда, как блин из печки, высунулся круглый язык. Он был весь, словно огурец, в пупырышках, только цвета был не огуречного, а морковного. С языка слетали и исчезали в небе мелкие завитушки пара. Незнакомец погрозил языком девочке, потом спрятал его обратно.

– Подумаешь! Нашли чем пугать, – сказала на это Уля. Она тоже открыла рот и тоже показала язык. Он, конечно, был не такой огромный, зато умел завиваться в трубочку и делать разные обидные штуки. Одновременно она оттянула уши и так держала язык высунутым, а уши оттянутыми почти минуту, затем со щелчком вернула их на свои места.

– Ах так? – возмущенно воскликнул лысый. – Но глазами-то ты скрипеть не можешь! – Тут же с силой он надавил на веки и извлек из своих маленьких глаз неприятный тоскливый звук, будто ночью на деревенском кладбище открывается крышка гроба.

– Плохо смазываете, поэтому и скрипят, – нисколько не удивилась Уля.

– Ябеда! Двоечница! Девчонка! – затопал лысый нечищеными ботинками. – Не люблю девчонок! У меня на девчонок аллергия! Скорее! Где мой противодевчоночий порошок! – Незнакомец стал копать в плаще и скоро вынул из него зелёную бутылочку, запечатанную зелёной пробкой. Сорвал пробку, высыпал порошок в рот, затем, чавкая, недо-

вольно сказал: – Некогда мне тут возиться со всякими двоечницами. Пойду поищу кого-нибудь поумнее. Вон, мальчишка идет в очках. Раз в очках, значит умный, не то что некоторые.

Уля ему ничего не ответила. Только подумала, усмехнувшись: «Идите, дяденька, спрашивайте про свое Каркалово. Это же Димка Маковкин, он же левый ботинок с правым пукает, когда на улицу собирается. Он же до сих пор думает, что родители нашли его на капустной грядке на своей даче».

Она снова показала ему язык. Но лысый ее языка не видел, лысый был уже далеко – с хриплым свистом и мелким бульканьем, он шептал что-то Димке на ухо, а тот горбился, как маленький гномик, грыз ноготь и кивал головой.

Глава 3. Мальчик на проволочной ноге

Уля пересекла двор, завернула за угол соседнего девятиэтажного дома и направилась к поросшему мелкими деревьями и кустами просторному пустырю, обнесенному деревянным забором. Это был не простой забор, это был забор с глазом. Глаз обычно бывал закрытым, но стоило кому-нибудь из подростков написать мелом или баллончиком с яркой краской на заборе что-нибудь нехорошее – «Витька – козел» или, к примеру, «Все девчонки, кроме Ирки Маркевич, – дуры», – глаз тут же находил пачкуна и сверлил его долгим взглядом, отчего тому становилось стыдно за написанную на заборе напраслину, особенно если эта напраслина написана была еще и с ошибками. Глаз не стоял на месте, он свободно перемещался по всей ширине забора и всюду успевал вовремя. Поэтому нехороших слов и грубых некрасивых рисунков на заборе никогда не было. Также к забору не прилипали никакие предвыборные плакаты и бумажки с дурацкими объявлениями, сколько их ни пытались клеить деятельные дяди и тети. Забор боролся за чистоту района, и глаз был в этом ему первый помощник.

Уля поздоровалась с глазом, подмигнув ему весело и по-свойски, уцепилась за деревянный верх и ловко перелезла

через забор.

Здесь была ее заповедная территория. На пустыре, кроме старого дяди Пети, Улиного лестничного соседа, выращивающего за забором картошку и не спускающего с нее бдительных глаз, да редких собирателей шампиньонов, людей практически не бывало. Причины этому были две. Во-первых, на территории пустыря собирались строить большой кооперативный гараж на пятьсот машин. И будущие строители гаража повсюду установили плакаты, грозящие крупным штрафом за появление на территории будущей стройки. Мало того, строители распустили слух, что территория строительства заминирована чеченскими террористами. Хотя в это никто не верил, но ходить все равно боялись. Во-вторых, в кустах за забором, ошетинившись щербатыми кирпичами, стояла старая трансформаторная будка. О ней ходила дурная слава. Поговаривали в окрестных домах, что когда-то здесь было бандитское логово – что бандиты, переодевшиеся в электриков, в будке мучили людей электрическим током и не выпускали их до тех пор, пока родственники не дадут выкуп. Тех же, за кого выкупа не давали, замучивали до смерти прямо в будке, а кости зарывали на пустыре.

Уля ни во что такое не верила. Даже когда старенький дядя Петя, копая свою картошку, выкопал однажды лопатой ржавую, старинную кость.

У Ульяны была своя, особая причина приходить на пустырь. Здесь жил ее одинокий друг, гипсовый мальчик на

проволочной ноге. Стоял он на бетонной подставке как раз напротив трансформаторной будки и хмурыми осенними вечерами слушал, как за железной дверью воют заперти трансформаторы. В остальное время суток и года он или глядел на звезды и слушал их далекие голоса, или вспоминал о своем тяжелом послевоенном детстве.

– Привет, – сказала Уля приятелю, – как дела?

– Еще один кусок отвалился, – ответил мальчик на проволочной ноге. – Скоро от меня совсем ничего не останется, одна ржавая железная проволока. Тогда дядя Петя сдаст меня на металлолом, а на вырученные деньги купит пугало с бубенчиками и трещоткой в магазине «Товары для огородника».

– Ну что ты, – сказала Уля, – никуда тебя дядя Петя не сдаст, дядя Петя добрый, у дяди Пети картошка. И потом – ты же мой друг, я тебя в обиду не дам. Ты еще сто лет проживешь.

– Я только с виду школьник, потому что я местами из гипса, а местами из шлакобетона, сверху покрытого серебрянкой. Серебрянка это такая краска, только она давно слезла – от времени, от погоды, – ведь последний раз меня красили в одна тысяча девятьсот восемьдесят пятом году, к двадцать второму апреля, на день рождения дедушки Ленина. Знаешь такого дедушку?

Уля такого дедушку знала. И рассказы мальчика на проволочной ноге слышала много раз. Но Уля, хоть и была су-

пердевочка, к друзьям относилась вежливо и старалась их никогда не перебивать.

– Я же не всегда был из гипса, я ведь тоже когда-то бегал, прыгал в длину, катался на коньках, ходил на лыжах, стрелял в тире, соревновался в перетягивании каната, играл на скрипке, вышивал крестиком, колол на даче дрова и вообще любил трудиться на свежем воздухе и в свободное от учебы время занимался физкультурой и спортом. И вот однажды во время летних школьных каникул я попал в плен на подземную американо-фашистскую военную базу на Южном Урале... – Мальчик на проволочной ноге вздохнул – он вздыхал всякий раз, когда доходил до этого печального места. Уля вздохнула тоже, чтобы вздохом поддержать своего гипсового товарища. – Но сегодня я расскажу другое. Сегодня я расскажу тебе сказку. Мне ее мама рассказывала, когда я был маленький. – Мальчик улыбнулся и начал: – Жили-были дед и баба...

В этот момент череп с перекрещенными костями, нарисованный на двери трансформаторной будки, чтобы отпугивать охотников за цветными металлами, соорбил Уле жуткую пиратскую рожу и высунул костлявый язык.

«Лысый! – Уля мгновенно узнала и рожу, и язык. – Тот, что спрашивал у меня про Фыркалово! Как на фотографии, будто вылитый!»

– ... Не золотое – простое, – мальчик на проволочной ноге уже закончил рассказывать свою сказку. – А сейчас я тебе

расскажу про отважного капитана Гаттераса, который ценой невероятных трудностей и лишений поднялся выше восемьдесят второго градуса северной широты и достиг Северного полюса.

– Можно про Гаттераса после? – Череп с костями не давал Ульяне сосредоточиться. Красная электрическая молния входила черепу ровно в правый висок и выходила из его левой скулы, но ухмыляющаяся костяная физиономия, похоже, этому была только рада. – Послушай, – спросила Уля у мальчика на проволочной ноге, – тебе никогда не попадался на глаза такой дяденька... – Ульяна описала какой.

– Лысый? – переспросил мальчик на проволочной ноге.

– Лысый, – кивнула Уля.

– Брюнет? – Мальчик на проволочной ноге внимательно посмотрел на будку.

– Брюнет, – подтвердила Уля, потом задумалась: «Если лысый, то почему брюнет?» Но раз сказала, значит, сказала – пусть он будет лысым брюнетом, так интереснее. Лысых много, а лысых брюнетов мало – может, даже вообще в природе не существует.

– Попадался, – ответил мальчик на проволочной ноге. – Он возле трансформаторной будки чуть ли не каждую ночь околачивается.

– Что же ты мне сразу ничего не сказал? – отчего-то разволновалась Уля. Очень уж не давал ей покоя этот лысый, который, оказывается, еще и брюнет.

– Ну, во-первых, ты меня об этом не спрашивала, – с легкой обидой в голосе заметил мальчик на проволочной ноге. – А во-вторых, вон какой кусок у меня от головы отвалился, поэтому я забывчивый.

– Прости, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть, – спохватилась Уля, понимая, что была не права. – А лысый брюнет – он просто так околачивается или что-то здесь делает?

– Лысый брюнет залезает в будку, запирает за собой железную дверь и чем-то там, за дверью, бренчит. Потом выходит.

Уля вспомнила старинную кость, которую откопал дядя Петя. Про бандитское логово она тоже вспомнила.

– Все понятно, – сказала Уля. – А ты не слышал, чтобы кто-нибудь за дверью кричал или звал на помощь?

– Нет, ни разу, – ответил мальчик на проволочной ноге.

– Значит, вставляют кляп, – подумала Уля вслух. Она сделала шаг по направлению к трансформаторной будке, но тут из-за спины супердевички послышался хриловатый голос:

– Стой, близко не подходи! А вдруг там излучение излучает!

Это был дядя Петя, Ульянин сосед по дому. Тот самый, который держал на пустыре огород и выращивал там картошку. Они жили в одной парадной, но дядя Петя этажом выше.

Мальчик на проволочной ноге тут же превратился в окаменелость.

– Что же ты, гипсовая твоя башка, не предупреждаешь

несовершеннолетнюю молодежь о том, что в будке высокое напряжение! – Дядя Петя погрозил ему пальцем. – А ты, – он погрозил пальцем Уле, – не видишь, что ли, знаки предупреждения? Вон череп с молнией и костями. Вон надпись: «Не подходи – убьет!» Супердевочка называется! Ты о родителях сначала подумай, перед тем как под напряжение лезть.

– Я не лезла, – сказала Уля.

– Еще бы, – дядя Петя поежился. – Если бы ты туда полезла, я бы сейчас с тобой не разговаривал.

– Дедушка Петя... – Уля слегка помялась, прежде чем задала вопрос. – А правда, что когда-то в трансформаторной будке было бандитское логово?

– Брехня. Сколько лет здесь живу, ни разу ни одного бандита не видел. И потом, бандиты – народ трусливый. Они только маленьких не боятся и милиционеров. А электрического тока они боятся пуще крокодилов и змей. Тем более, там не просто ток, там – высокое напряжение! – Дядя Петя протер усы и разгладил складку на рукаве рубашки. Рубашка у дяди Пети была особенная – со сменными отстыжными подмышками и пятилетним запасом воротничков. Он ее купил в Военторге, была она офицерского образца, и дядя Петя ею очень гордился. Усмехнувшись, дядя Петя сказал: – Уж я-то в электрическом деле собаку съел. За две минуты с закрытыми глазами разбираю и собираю электроутиг. Меня раньше вся страна знала. Я на Адмиралтейском судостроительном заводе работал бригадиром электросварщиков

и лично возглавлял движение «Смерть заклепке!». Это еще до войны было, я ж ветеран. Мы котлы сваривали методом стыковой сварки, сэкономили на времени и металле. Металла много никогда не бывает, ты это знай, – особенно если наша страна стремится догнать и перегнать в технике судостроения передовые капиталистические страны, такие как Англия и Америка.

Уля кивнула. Дядя Петя прокашлялся.

– О чем это я? – спросил он, почесывая ямку на подбородке.

– О металле, – подсказала ему Ульяна. – Что много его никогда не бывает.

– Ну да, – нахмурился дядя Петя. – Понимаешь, какое дело – сегодня утром пошел на кухню, хотел приготовить завтрак, сунулся – в доме ни одного ножа. Колбасу даже нечем было порезать – ел прямо так, с куска. – Дядя Петя нахмурился еще больше. – В обед варю на плите картошку, хочу взять вилку, чтобы потыкать – сварилась или еще пусть чуть-чуть поварится, – глядь, а вилки тоже того – тю-тю! Нету, в общем, в буфете вилок! Что, думаю, за холера? Ну, понятно, – если там серебро, золото или даже цветной металл – за него хоть деньги платят теперь хорошие! А здесь, тьфу, ерунда какая-то – ножи и вилки из нержавейки! Вот ты – умная, ты мне скажи: кому понадобился мой железный утиль? Не внук же, Федька, их, понимаешь, стыбзил?

Глава 4. Пропажа броши и другие события

– Ульяна, – мама строго посмотрела на дочку, – ты не брала мою любимую брошь? Час уже как ищу, все ящики перерыла. Вечером придут гости, а мне даже выйти к ним будет не в чем.

– Надень цепочку, которую папа тебе из командировки привез, – посоветовала Ульяна маме.

– Сколько можно! – нервно сказала мама. – Я в ней и в театр, и в гости, и в школу на родительские собрания хожу. Меня без этой цепочки знакомые вообще уже, наверное, не представляют. Будто я с ней родилась и ношу ее всю жизнь, не снимая. – Мама, стоя на полу на коленях, выгребала шваброй из-под дивана накопившиеся там домашние мелочи. Броши среди них не было.

– Маша! – позвал с кухни маму отец. – Ты штопор нигде не видела? И вилок восемь штук почему-то только, а не двенадцать.

– Я штопором не пользуюсь, ищи сам. А вилки были на месте, я их позавчера пересчитывала. Уля! – Мама встала с коленей и оперлась на рукоять швабры. – Посмотри, как ты некрасиво сидишь. Хуже маленькой девочки – пятки в стороны, носки вместе. Как я тебя учила – надо всё делать красиво, сидеть тоже. Значит, брошь мою ты не брала. Странно, куда ж она могла подеваться.

Улин папа вошел в комнату и развел руками:

– Нету, всё обыскал! Ни штопора, ни вилок. Чертовщина какая-то! Домовой у нас, что ли, поселился? Не понимаю.

– Не домовой, а чердачный недомоганок – так они называются по-научному, – поправила Уля папу. – Недавно один профессор по радио выступал. Он рассказывал, что они пушистые, с кошачьей мордочкой, маленьким человеческим тельцем и собачьими лапами.

– Лично мне все равно, какие у них морды и лапы. Вечером придут гости, а мне бутылки открывать нечем.

– Сходи купи, магазин близко, – сказала мама. – Заодно можешь купить мне новую брошку и серебряное кольцо с бирюзой.

Уля видела: назревает сцена. Из-за какой-то дурацкой брошки, в которой нет ничего стоящего – обыкновенная пластмассовая поделка вместо натуральных камней, – мама с папой сейчас поссорятся до самого вечера, пока не придут гости. Будут дуться, друг друга не замечать, фыркать из-за каждого пустяка, который яйца выеденного не стоит, и вымещать свое зло на ней, ни в чем не повинной дочери. Так что лучше, пока не грянуло, пойти на улицу, так будет спокойнее.

– Мои опять поругались, – сказала Уля Никитке Ладушкину, который сидел в песочнице и царапал что-то палочкой на песке. Никитка был еще маленький, зато умный и сочинял стихи.

– Помирятся, – сказал ей Никитка. – А вот я со своей мамой никогда уже, наверное, не помирюсь. – Никитка переломил палочку и бросил ее в песок. – Послушай, это я только что сочинил. – Он встал, отвел руку в сторону и, как маленький Пушкин на картинке из «Родной речи», прочитал с выражением:

У меня была собака,
Она грустила мордой вниз,
А мама отдала ее куда-то
И говорит: «Мне некогда за ней ухаживать, у меня личная жизнь».

– Правда? – спросила Уля. – Так и сказала? – Затем подумала и удивленно добавила: – Что-то я не припомню, Ладушкин, чтобы у вас в квартире была собака. У тебя же аллергия на шерсть.

Ладушкин, хотя ростом едва достигал Ульяниного плеча, посмотрел на супердевочку свысока:

– В стихах вовсе не обязательно, чтобы все, о чем там говорится, происходило на самом деле. В них главное – передать чувства.

– Выходит, все, что пишут поэты, – вранье? И Пушкин – вранье, и Лермонтов?

– Не вранье, а поэтическая условность. Это разные вещи.

– Послушай, Ладушкин, а причем здесь тогда твоя мама?

Ты же только что мне сказал, что больше с ней никогда не помиришься. Но раз не было никакой собаки, зачем тогда обижаться на маму?

– Я сказал – «наверное». А вдруг когда-нибудь у меня будет собака, и мама ее куда-то отдаст?

Ульянино терпение лопнуло, и она громко сказала:

– Уф!

Не успело ее громкое «уф» долететь до бубонинского газона, как оттуда, от бубонинского газона, донесся ответный звук, тоже громкий, но никакое не «уф».

Уля посмотрела туда. На стриженной под ежика травке в полуметре от заповедной зоны сидел Пашка Моржов и плакал. Чего Ульяна не могла выносить, так это когда кто-нибудь плачет. Не потому что она была супердевочка. Просто не любила людей, не умеющих сдерживать свои слёзы. Но все-таки ей стало вдруг интересно. Пашка был человек тихий и на священную территорию за оградой посягнуть ну никак не мог. Да и трава перед ним и около вроде была сухая – кроме мелких крапинок слёз, блестевших на отдельных травинках, признаков осадков не наблюдалось – тем более жесточких следов коварного бубонинского брандспойта.

– Ну, – сказала она, подходя к зарёванному Моржову, – рассказывай, почему плачешь.

– Из-за вилок, – сказал Моржов и заплакал еще сильнее.

– Понятно, – сказала Уля, сразу вспомнив, что буквально вчера Пашка напросился к ним в гости якобы смотреть теле-

визор. Свой-то у них якобы поломался, а девяносто восьмую серию нового бразильского сериала он должен был посмотреть обязательно, чтобы потом пересказать бабушке, иначе она умрет. Теперь ясно какой такой телевизор был причиной его визита. И почему папа сегодня не досчитался вилок, тоже понятно. – Совесть замучила? А ну признавайся, ты зачем стащил у нас из буфета четыре вилки и один штопор?

– Я нечаянно, – ответил Моржов.

– Он нечаянно! – возмутилась Уля. – Вот как дам тебе нечаянно по башке кроссовкой, будешь тогда знать, как зариться на чужое добро. Отдавай сейчас же, ворюга! И брошку мамину немедленно отдавай!

Моржов нервно замотал головой, отчего слезы полетели у него из глаз во все стороны, как из поливальной машины.

– Нету у меня ваших вилок. И штопора тоже нет, и брошки. Я их на чупа-чупсы сменял. – Пашка вытащил из кармана куртки горсть шариков в блестящих обертках с держалками из белой пластмассы. – Только лысый меня обманул! Никакие это не чупа-чупсы! – Поливальная машина с ногами вместо колес заработала на полную силу.

Ульяна взяла у Пашки один леденец на палочке. Под фирменной блестящей оберткой оказался стеклянный шарик с мелкими пузырьками внутри. Другие тоже были поддельными.

– А у этого твоего лысого была в ухе какая-нибудь серьга?

– Была – череп и кости. Я его вчера у помойки встретил,

когда мешок с мусором выносил. У нас на лестнице мусоропровод не работает, туда Носовы из тридцатой квартиры чучело обезьяны сунули, которое у них моль поела, вот мусоропровод и забился. Сначала он меня про Квакалово спросил, это такой поселок за городом. А потом предложил обмен. Я ему приношу из дома всякие ненужные вилки, штопоры, вязальные спицы, ножи – в общем, всё, что острое и железное, а он мне за каждый штопор, нож, за каждую вилку дает чупа-чупс на палочке. Ты бы разве на моем месте не согласилась?

– Вот и менялся бы на свои, – сказала ему Ульяна. – Чужие-то зачем было брать?

– На свои мне мама не разрешила. Сказала: не тобой заработано, не тебе их из дома и уносить. Мне, сказала, одного папы хватает, который всё не в дом, а из дому.

– Зачем ему столько ножей и вилок, этому твоему лысому, он не говорил?

– Не знаю, не говорил.

– Ладно, – сказала Уля, – соси свои стекляшки на палочке. Но чтобы штопор и наши четыре вилки сегодня же нам вернул. И те, которые у дяди Пети украл, чтобы тоже ему вернул. Или я всем расскажу, что Пашка Моржов ворюга, и никто с тобой во дворе не будет больше дружить.

– Дяди Петины я не брал, – размазывая по щекам слезы, сказал Моржов. – Это Федька, он тоже с лысым менялся.

Глава 5. Лысый брюнет и его команда

Трое дяденек неопределенного вида сидели в садике на хилой скамейке и занимались подозрительным делом – пересчитывали ножи, вилки и прочие колюще-режущие предметы, незаменимые в домашнем хозяйстве. Звали дяденек Кусаев, Ломакин и Грызунов. Четвертый дяденька стоял перед ними и наблюдал, чтобы ни одна вилка, ни один самый малюсенький ножичек не остались несосчитанными и забытыми. Этот дяденька, который стоял, был лысый, как куриное яйцо. Пиратская серьга в его ухе клацала костяными зубами, когда какой-нибудь из дяденек на скамейке ошибался или сбивался со счета.

– Два умножить на два получается... – дяденька Кусаев задумался.

– Пять, – подсказал ему дяденька Грызунов, глянув на ученическую тетрадку, лежащую у него на колене, с таблицей умножения на обложке.

Череп в ухе дико захохотал почти не слышным для окружающих смехом, но дяденька Грызунов услышал. Он знал, что если череп смеется, значит быть ему, Грызунову, битым. Это в лучшем случае, когда у лысого хорошее настроение. В худшем – его лишат лекарства от доброты, которое им выда-

ет лысый в обмен на партии колюще-режущего товара, принесенные ему в нужном количестве в нужный срок и в нужное место, а именно на эту скамеечку.

– Извиняюсь, это я тетрадь перепутал. – Улыбающийся дяденька Грызунов ловко дрыгнул коленной чашечкой, тетрадь подскочила вверх и спряталась у Грызунова за пазухой. На колено легла другая – тоже с таблицей умножения, но только – правильной.

Лысый для расчетов с людьми выдал каждому из своих помощников три тетради: одну правильную и две неправильные. На правильной таблица умножения на обороте была правильная, то есть соответствовала действительности. Дважды два на ней равнялось четырем, трижды три – девяти, и так далее. В неправильных же тетрадях таблица умножения была двух типов: 1) в выгодную для себя сторону; 2) в сторону, невыгодную для других. Например, если надо было кому-нибудь отдавать долг, то из кармана вынималась тетрадь первого типа. Трижды три в ней равнялось шести, то есть ты, отдавая долг, сэкономил в этом случае три рубля, если долг переводился на деньги. Когда же надо было забирать долг, то вытаскивалась тетрадь другая. Трижды три в ней равнялось уже двенадцати, то есть ты получал со своего должника на три рубля больше, чем он был должен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.